

# Огненный перст

**Автор:**

Борис Акунин

Огненный перст

Борис Акунин

История Российского государства в романах и повестях

«История делается не в лесах и степях, а в Византии и еще нескольких местах, освещенных солнцем исторической памяти. Весь остальной мир погружен в сумерки, где копошатся какие-то смутные тени, которые потом исчезают бесследно...», – убежден отмеченный знаком особенной судьбы герой романа «Огненный перст». Однако именно такие «тени» нередко меняют ход времен. Самые поразительные, переломные моменты разных эпох показаны глазами представителей одной необычной семьи, от приключений которой захватывает дух даже у искушенного читателя!

Середина IX века. Дамианос Лекос, сын славянской рабыни, обладающий редкими способностями и возможностями, отправляется из греков в варяги...

Борис Акунин

Огненный перст

© В. Akunin, автор, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

\* \* \*

Вода, огонь, ветер

Проворные и уверенные на реке, по морю ладьи поплыли опасно. Неприспособленные к напору волн борты пугливо скрипели, весла сшибались друг с другом, не всегда попадали по воде. Выйдя из лимана, вся длинная вереница, девятнадцать больших лодок, старалась не отдаляться от берега. Но месяц был ласковый, веселье, погода ясная и маловетренная, волнение несильное. Гребцы понемногу принаровились. Ладьи перестали рыскать острыми носами, ход их ускорился, строй выровнялся.

Осеннее солнце, которому наскучило гонять солнечные зайчики по пустым водам, азартно накинулось на новую игрушку: блики запрыгали на весельных лопастях, на медных бляхах щитов, на разложенном по скамьям оружию.

Многovesельные лодки на языке северичей назывались селезнями. Сверху, из-под легких облаков, где кружили белые морские птицы, флотилия, верно, и в самом деле была похожа на утку с выводком утят. Передняя ладья – целый корабль, только без мачт – была вдвое больше остальных. На тех помещалось человек по тридцать-сорок, на этой семьдесят, вся старшая дружина. Над кормой торчал длинный шест с насаженным на него знаком княжеской власти: черепом кабана в посеребренном, матово посверкивающем шлеме.

Сам князь – огромный, широкий, в расшитой по вороту рубахе – неподвижно стоял у носа один и глядел вперед. Воины смотрели на могучую, несокрушимую, как каменный валун, спину, и их страх перед морем постепенно отступал.

А князю было так же страшно, как остальным. Человек лесной, болотный, он никогда не видел столько воды. Невообразимый простор давил на него, стискивал грудь. Прямая и чистая, словно край стола, линия горизонта казалась обрывом, за которым нет ничего, кроме тьмы и смерти. Нельзя было позволить, чтобы люди заметили на лице вождя смятение, поэтому Воислав и не оборачивался. А еще он боялся, что от резкого движения (у него все движения

были резкими, по-иному не умел), покачнется, не устоит на ногах, и это будет воспринято как недобрая примета. Рука князя – на четырех пальцах серебряные кольца, на большом золотой перстень – крепко сжимала кромку борта.

Параллельно ладье, посверкивая мокрой кожей, нырял по волнам любопытный дельфин. Воислав никогда не видел таких больших черных рыб, да еще чтоб скакали по-над водой, и сотворил знак, отгоняющий злые видения: трижды дернул себя за буйную бороду. Диковинная тварь, махнув нерыбьим хвостом, ушла на глубину.

– Эй! – крикнул Воислав басом, от которого, бывало, приседали боевые кони. – Эй, Гад! Поди!

К носу, легко и уверенно шагая прямо по скамьям, приблизился человек. Он был худ и невелик ростом, меньше всех, кто был в лодке, а рядом с гороподобным Воиславом показался вовсе заморышем. Одет недомерок был так же, как остальные: серая рубаха-голошея с ремешком да холщовые порты – под коленом они были крест-накрест перехвачены тесемкой, пришитой к кожаным ступам, всегдашней обуви северичей. Только меч на поясе не такой, как у всех, а узкий и короткий, каких в лесном краю не делали. Массивный, широкий североцкий сечень Гаду был тяжел.

Князь сверху покосился на подошедшего. Спросил, умерив голос, что у него получилось плохо:

– Далеко ль морем плыть?

– До Керкинтя? – Гад вздохнул. На этот вопрос он отвечал уже много раз. – От устья Бог-реки так. Можно прямо. – Он показал на горизонт. – Тогда близко. Ночь плыть. Утром Керкинтый. Я говорил, княже.

Воислав кинул взгляд на водную пустоту. Дернул исполинским плечом – поежился.

– Нет. Ночевать на земле будем.

– Тогда вдоль берега плыть надо. Сегодня, завтра, еще один день.

Князь недоверчиво прищурился, глядя Гаду в его немигающие спокойные глаза:

– Откуда всё знаешь?

Маленький человек промолчал, взгляда не отвел. Из всех северичей он один мог позволить себе оставить вопрос князя без ответа.

– Почему я тебе верю, волхв? – зарокотал Воислав, которому хотелось разгневаться – это состояние для него было привычнее неуверенности. – Почему слушаю?

Гребцы на передних скамьях, услышав в голосе князя закипающую ярость, сжались. Гад, однако, не оробел.

– Стрежень-город помнишь? – сказал он как всегда мягко и негромко. – Я тебя предупреждал. Не ходи на приступ. Не гони людей на стену. Надо ручей перекрыть. Без воды стреженцы сами вылезут. Ты меня не послушал. Сорок воинов зря погубил. Город не взял. Потом мы воду отвели. Через неделю они сами сдались. Без воды никто долго не может.

Оба изъяснялись короткими, очень простыми фразами, в которых не было лишних слов. У северичей, как и у других славян, многоречие было не в чести. Длинно говорили только ведуны и женщины, но и те показались бы людям из южных, менее суровых краев немногословными.

От приятного воспоминания гнев князя, так и не распалившись, прошел. Воислав улыбнулся.

– Я помню, волхв. Потом все говорили. Воислав мудр. Придумал город без крови взять. Нет воды, нет и крови.

И захохотал. Он часто повторял эту остроту. Северичи шутили редко. Выпив много хмельного меда, могли для веселья подурачиться, но острого слова сказать не умели. Шутку про кровь и воду когда-то первым произнес Гад, но князь давно забыл про это.

– Нет воды, нет и крови, – сказал он еще раз и снова засмеялся.

– А помнишь Лютово городище, княже? Как я сказал прикинуться послами? Будто с миром пришли?

– Помню. – Улыбка Воислава стала шире. – Мы убили Люта и всех его родичей. Как цыплят.

– И про грозу помнишь? Я сказал тебе: «Отойди от дуба». И в него попала молния. Вот почему ты мне веришь, княже. Я умею говорить с богами. Они слушают мои речи. И ты меня слушай. Кто ты был три года назад? Что у тебя было? Твой Градец, десять деревенок вдоль Бог-реки да лесные люди. А что лесные люди? Сегодня они есть, завтра в лес ушли. И нет их. Так было раньше. Без меня. Теперь разве так?

Князь засмеялся. Он уже не думал про море и про его пугающий край, за которым тьма.

– Теперь у меня много всего. Мне покорились все роды северичей. И голотичи. И прегордые любичи. Я вожу в поход тысячу воинов! И у каждого железный шлем, хороший меч, крепкий щит. У меня двадцать ладей. Девятнадцать, – поправился Воислав, и тень пробежала по его низкому лбу. Пробежала – и исчезла. – Я иду брать греческий город! За море иду! Я возьму много добычи. Никогда никто не брал столько добычи!

Он воодушевлялся всё больше. Хвастливые речи придавали ему силы.

– Я слушал тебя, Гад. И буду слушать. Ты всё знаешь. Ты умеешь говорить с богами. Ты хитрый. Ты умный, как змея. Кажется, тебя можно раздавить голой рукой. Но ты вывернешься. И укусишь ядовитым зубом. – Теперь князь смотрел на низкорослого собеседника с восхищением. – Потому тебя так прозвали: Гад.

Для северичей в этом имени не было ничего обидного. Один из лесных родов даже поклонялся змеебогу Гадуну, приносил ему в жертву откормленных мышей и лягух.

– Не зли змею – она не укусит, – сказал волхв. – Ласкай змею – получишь от нее дары. У тебя теперь много всего, княже. Возьмешь Керкинтий – будет еще больше. Нет никого богаче греков. У них ткани разные. Посуда. Серебро. Прозрачный кувшин помнишь? Он из стекла. У греков таких много. Вернешься с

добычей – все тебе поклонятся. Древовичи, ладиничи, даже поляне. Все встанут под твою руку.

Вождь кивнул. Вот теперь он обернулся лицом к воинам, зная, что его гордый и спокойный вид придаст им бодрости.

– Я бы поплыл на греков прямым путем. Я не боюсь провести ночь в море. Но они... – Он показал на дружину. – Они не захотят. Они не привыкли к такой большой воде.

Гад не стал спорить.

– Ничего, княже. Доплывем и берегом. Может быть, нам повезет. Мы встретим купеческий корабль. Там бывает много добра. Очень много. Хватит нагрузить все ладьи. Тогда незачем ходить на Керкинтий.

– Нет. Я хочу взять греческий город. Хочу попробовать греческих женщин. Хочу поставить на самом высоком месте моего кабана. – Князь показал на клыкастый череп. – Пусть греки узнают про Воислава!

Прикрыв ладонью глаза от солнца, он посмотрел назад, на растянувшуюся по морю флотилию и выругался:

– Что отстали? Осерчай на них Перун!

Брани крепче этой у северичей не было.

Головной корабль далеко оторвался от остальных ладей.

– Осушай, осушай! – крикнул Воислав.

Борта оцетинились застывшими веслами: пятнадцать с одной стороны, пятнадцать с другой.

Князь пробирался к корме – медленно и трудно перешагивая через скамьи, опираясь на плечи гребцов. Отодвинул кормщика, встал у руля сам. Принялся командовать – небыстро:

– Йэ-эх!..Йэ-эх!..Йэ-эх!

Весла задвигались медленней, чем раньше. Разрыв стал сокращаться.

Через час или полтора Воислав снова подозвал волхва. Тот всё это время оставался на носу. Смотрел на солнце через какую-то дощечку с прорезью.

Подошел – но не стремглав, не сразу.

«Эк ловок», – подумал князь, завидуя легкости, с которой Гад перемещался по раскачивающейся ладье.

– Я думал, – гордо сказал вождь. – Я считал. Как ты учил. Сейчас у меня тысяча воинов без двадцати, так? Покорю древовичей – возьму с них еще четыреста. Или пятьсот. С ладиничей возьму триста. С полян можно взять семьсот, даже больше. Зимой по льду доберусь до смоличей. У них лучники хороши. Возьму двести. Это сколько всего будет?

– Вместе с твоими почти три тысячи.

Маленькие голубые глаза князя – густая борода подбиралась к ним чуть не вплотную – загорелись восторгом.

– Никогда ни у кого столько не было! Какой у греков самый большой город? Только чтоб на этой стороне моря.

– Корсунь. Он дальше Керкинтя. Ненамного. Большой город, очень богатый. В десять раз больше Керкинтя.

– Я знаю про Корсунь. – Воислав торжественно воздел ручищу. – На следующее лето он мой будет!

– Помолчи-ка, княже. – Гад, сузив глаза, всматривался в линию берега. Ноздри хищно затрепетали.

– Ты чего? – забеспокоился Воислав.

– Тссс. Мне Россох шепчет...

Так звали бога реки и всякой воды, чтимого северичами.

– Жиром пахнет... Добычей пахнет... – Гад показал на недалний мыс. – Там! Поворачивай! И остальным вели! Быстрее!

Воислав открыл рот – спросить, в чем дело, но вещей человек бесцеремонно отодвинул тугодумного князя (оказывается, была в тонких жилистых руках Гада немаленькая сила) и сам навалился на кормило.

Селезень повернулся, вспенив носом зеленую волну.

– Йэ-эх! Йэ-эх! Йэ-эх! – пронзительно закричал Гад, убыстряя ритм гребли.

Князь смотрел на приближающийся мыс и ничего там не видел. Нюхал воздух – никаким жиром не пахло. Однако не перечил. Смотрел, ждал.

Остальные лодки повернули за сверкающей на солнце кабаньей головой. Им что – куда князь, туда и они.

За оконечностью мыса, у подножия которого кипел белый прибой, открылся вид на бухту. Ее горло, сдавленное двумя скалистыми языками, было шириной в двадцать полетов стрелы. Посередине бухты, на глубоководье, стоял огромный черный корабль.

Он был не похож на ладьи речных славян. Длинный, высокобортый, с мощными веслами в два яруса, с тремя мачтами. Главная – высотой с пятидесятилетнюю сосну.

– Смотри, князь! Купец! – крикнул Гад. – Не обманул Россох! Не зря мы дали ему щедрю жертву!

– Зачем он здесь? Здесь ничего нет, – сказал Воислав, глаза на невиданное судно.

– Хочет починиться. Или взять питьевой воды. Какая разница? Твоя удача крепка, князь. Только бы не ушел!

Встрепенувшись, вождь приказал:

– Правь на него! А вы гребите, гребите!

Волхв поступил иначе – двинул руль в другую сторону, и ладья, вместо того чтоб войти в бухту, повернулась носом к противоположному мысу.

– Ты что делаешь?! – ахнул Воислав. – Корабль там, а ты – туда.

Было видно, как на верхней палубе огромного судна муравьями снуют люди. Кто-то карабкался по снастям. Из воды вынырнул, заблестел мокрый якорь.

– Пойдем прямо на него – ускользнет. – Гад зачем-то поплюнул палец, поднял его над головой. – Надо вытянуться цепью. Замкнуть выход из бухты. Тогда никуда не денется.

Вдруг над срединной мачтой корабля раскрылось квадратное серое полотнище; еще два поменьше, косоугольные – спереди и сзади. Будто сизый голубь раздул грудь и расправил крылья.

– Что это, Гад?

– Паруса. На них под ветром ходят.

Этого князь не понял, однако мысль о том, что нужно закрыть выход из бухты, ухватил.

– Зык, ко мне! – крикнул он.

Зыком назывался дружинник с особенно зычным голосом. Такой имелся в каждой ладье.

– Ори: «Плыви за мной! Передай дальше!»

Две эти фразы, выкрикнутые лужеными глотками, разнеслись над золотисто-изумрудными водами восемнадцатикратным эхом.

Славянские селезни, бешено работая веслами, мчались ко второму мысу. Пришел в движение и корабль. Полотнища захлопали, надулись; разом приподнялись и опустились весла: верхние очень длинные, нижние покороче.

Через минуту-другую корабль, несмотря на размер и тяжесть, развил скорость, вдвое, если не втрое бо?льшую, чем у северичей.

- Уйдет! Не поспеем! - взвыл Воислав.

Но грек вдруг качнул парусами и сменил курс, словно передумал бежать, а решил сойтись с преследователями.

- Будет биться? - изумился князь. - Один? Или сдаться хочет? Нам пленных не надо. Для добычи места бы хватило. Велю всех переколоть.

На корабле словно подслушали жестокий посул. Снова двинулись косые паруса, взбурлила под острым носом вода. Грек опять сделал крутой поворот.

- Почему рыскает? - спросил Воислав.

- Ветер сбоку, - коротко ответил волхв. - Купцу не уйти. Стрибог к нам милостив.

Оставив одну руку на кормиле, он поплевал на ладонь другой и дал ветру сдуть слюну. Стрибог, повелитель воздуха, принимает такое подношение как обещание будущей награды.

- Сделай то же, князь.

Воиславу было не в разум, почему хорошо, что ветер сбоку и за что нужно сулить мзду Стрибогу. Сейчас надо было звать на подмогу Перуна - покровителя воинов. Обидится Перун - не видать удачи в битве.

Не послушал князь волхва. Вырвал из бороды целый клоч волос и кинул через плечо.

- На?, Перун, тебе, а ты - мне! А после стотину дам!

«Стотина» - сотая часть добычи. Пожадничал Воислав, очень уж был уверен в победе. Обычно перед битвой Перуну обещают десятину. А дадут иль нет - это после видно будет. Если добычи меньше, чем думалось, могут и не дать.

Грек, кажется, понял, что не проскочит, и изменил тактику. Теперь он шел наискось, к первому мысу, оставшемуся позади.

- Будет прорываться с боем, - сказал Гад. - Через наш хвост. Кто замыкающий?

- Тур Одноглазый. - Князь хохотнул. В предчувствии драки он всегда впадал в нетерпеливое, радостное возбуждение. - Через Тура не прорвется. Зык, ко мне! Кричи: «Всем заворачивать! Бой!»

«О-о-й! О-о-й!» - зашумело над бухтой.

Не зависящие от ветра ладьи одна за другой стали разворачиваться. Самая последняя, которой командовал старый и опытный воин по имени Тур, быстро пошла на сближение с греком. Тот, поныривая клювообразным носом, неся навстречу, стремительный, будто давешняя прыгучая рыба.

С Туровой лодки и еще с одной, соседней, открыли огонь лучники. На корабле, будто сами собой, поднялись большие щиты, начисто закрывшие палубу. Несколько мгновений спустя на них стала расти щетина - в дерево вонзались славянские стрелы с раздвоенными хвостами.

Быстрый тридцативесельный селезень Воислава уже обогнал половину других ладей. Князь перебрался с кормы вперед. Надел кожаный доспех, спереди обшитый медными пластинами, нацепил остроконечный хазарский шлем с шестиконечной звездой - военный трофей, которым очень гордился.

- Сейчас Тур зацепит его крюками. А там другие налетят! - крикнул он толпящимся за его спиной дружинникам. Они все тоже снарядились к бою. От

нетерпения колотили мечами по бортам.

Когда между греком и передней лодкой осталось шагов сто, в зазор меж двух утыканных стрелами щитов просунулась длинная труба – будто у корабля на лбу внезапно вырос рог.

Дальше случилось невообразимое.

Из трубы, прочертив огненную дугу, выметнулась струя пламени и обрушилась на ладью – та вспыхнула бурно и охотно, как не загорается даже хорошо высушенный хворост. Невероятно, но загорелось и море вокруг. В лодке размахивали руками люди. Они тоже горели. Одна пылающая фигурка прыгнула за борт. За ней еще и еще. На воде вспыхнули маленькие костры – горящие головы.

Вой боли прокатился над солнечной бухтой. Остальные ладьи откликнулись воем ужаса. Это было чародейство – непонятное и оттого еще более страшное.

Следующий селезень уже не махал веслами, но с разгона еще двигался навстречу колдовскому кораблю. Тот снова изрыгнул красно-черную струю. Она не попала в лодку, но подожгла море у ее борта, и пламя, подгоняемое ветром, пробежало по веслам, перекинулось на суденышко.

Всё повторилось. Горели скамьи, горели щиты, горели и прыгали в воду люди, но вода их не спасала.

Прочие лодки, не дожидаясь приказа, стали поворачивать в обратную сторону.

...На этом морское сражение закончилось и началась погоня – долгая, монотонная, безжалостная.

В первые минуты можно было подумать, что волшебный корабль удовольствуется гибелью двух селезней. Он спустил паруса, весла остановились.

Несколько лодок засновали по волнам, подбирая немногих уцелевших. Ладьи охваченных паникой северичей почти сравнялись с дальним мысом, прежде чем победитель вновь тронулся с места.

Еще и потом некоторое время казалось, что грек всего лишь хочет отогнать морских разбойников подальше от берега. Корабль быстро сократил дистанцию, однако не погнался за последней из лодок, а взял курс левее, оказавшись между мысом и сбившейся в кучу флотилией. Та шарахнулась от ужасного противника прочь – в открытое море, навстречу пустому горизонту. Любая бездна, хоть бы самый край земли, была менее жуткой, чем всепожирающий, негасимый пламень.

Только теперь стал ясен замысел греков. Они собирались не отогнать врагов, а уничтожить их. Всех до одного.

Делалось это неторопливо, обстоятельно.

Догнав замыкающую ладью, корабль подпалил ее. Остановился. Подобрал тех, кто не сгорел и не утонул. Потом продолжил погоню.

Ветер дул от берега. Преимущество в скорости у грека было такое, что он в какую-нибудь четверть часа вновь оказался в хвосте флотилии и поджег следующий селезень.

Это повторялось снова и снова. Если бы лодки кинулись врассыпную, возможно, кто-то и спасся бы. Но от ужаса у беглецов словно помутился рассудок. Страх перед огнем и бескрайним водяным простором заставлял их тянуться за ладьей вождя, которая, отчаянно шлепая веслами, неслась впереди, всё больше отдаляясь от остальных.

Каждый раз, когда преследователь останавливался, появлялась надежда, что он наконец насладился местью и оставит разбитого врага в покое. И каждый раз надежда рассыпалась в прах.

Нескончаемый кошмар длился весь день. Вереница ладей постепенно таяла. Бездонные трюмы двухпалубного чудовища всё не могли насытиться пленниками.

Но в сумерки, когда от погрузившегося в море солнца на воде осталась только лужа багровой крови, Воиславу стало казаться, что бог воды наконец услышал его отчаянные молитвы. Начав с обещания четверти всего, чем владеет, к концу дня князь сулил Россоху уже всё, до последней беличьей шкурки, до самой желанной из наложниц – лишь бы попустил спастись от огненной гибели.

– Никак уйдем? – сказал князь осипшим голосом стоявшему у руля волхву. – Скоро будет темно. Потеряемся. Что молчишь?

Вдали пылал предпоследний из селезней. Люди спрыгнули в воду, не дожидаясь, когда лодка загорится, и грек застыл на месте надолго – нужно было собрать много пленных.

– Не уйдем, – ответил Гад, поглядев на небо. – Только если чудо. Ты молился Перуну. Потом Россоху. А надо было Стрибогу. Он обиделся. Губит нас. Дует греку в паруса. Держи кормило, князь. Буду просить Стрибога сам. Пусть остановит ветер. Или направит в другую сторону. Тогда может быть.

Он задрал лицо к темнеющему небу и зашевелил губами. Меж полузакрытых век белели закатившиеся под лоб глаза.

Воислав смотрел на волхва со страхом и надеждой. Всё имущество уже было обещано Россоху, но князю пришла в голову новая мысль. Остается сокровище драгоценней мехов и наложниц – вот этот колдун, который всё знает и умеет говорить с богами. «Я принесу тебе, Стрибоже, в жертву Гада, – беззвучно прошептал Воислав. – Только спаси».

И случилось чудо. То ли бог внял волхву, то ли польстился на жертву, обещанную князем, но только паруса на грозном корабле вдруг обвисли. Ветер стих. По волнам пробежала рябь – и исчезла. Послезакатное море лежало гладкое, словно застыло, покрытое розовым льдом.

У грека весел было больше и они были мощнее. Должно быть, на каждом сидело по паре рабов. Зато селезень был легче, а на весла Воислав тоже посадил двоих – раньше дружинники гребли, сменяясь.

Расстояние всё равно сжималось, но медленней, чем прежде.

А над горизонтом уже клубилась, поднимаясь вверх, синяя тьма.

«Благо тебе, Стрибоже, – шептал князь, всхлипывая от облегчения. – Гад будет твой. Пусть только доведет до суши. Без него как? Неведомо, куда плыть. Берега не видно. А ночью тем более... Но обещаю. На твердой земле я сам вырежу ему сердце. И отдам тебе».

Однако недолго пришлось Воиславу глотать радостные слезы. По воде вновь пролегли морщины, превратились в волны. Сзади налетел ветер – сильней прежнего. На мачтах грека пузырем всколыхнулся большой парус.

«Нет, нет! – взмолился князь. – Я не стану ждать суши! Я отдам тебе Гада прямо ночью! Как-нибудь, куда-нибудь выплывем! Только не дуй, Стрибоже!»

Но Стрибог то ли заподозрил Воислава в обмане, то ли с самого начала играл с князем северичей, как кошка с мышью.

– Гребите! Гребите-и-и! – завопил предводитель. – Йэх! Йэх! Йэх!

Обессилевшие люди что было мочи навалились на весла – и селезень убыстрил ход. Мало, совсем мало времени оставалось до желанной тьмы. Над горизонтом уже погасло красноватое свечение, и вражеский корабль посерел, обернулся зыбким призраком.

– Пусти за руль, князь. Подгоняй гребцов. И молись Россоху, – сказал Гад. – Теперь всё от него зависит.

Передавая кормило, Воислав ощутил – кажется, впервые – превосходство над волхвом: всеведущий, а не знает, что его ждет. «Что обещал – сделаю», – мысленно сказал он Стрибогу. А Россоху сулить было уже нечего.

Вдруг селезень шатнуло в сторону и повело вкось, поперек волн. Он накренился, весла застучали друг о друга. Через несколько мгновений они выровнялись, снова ударили по воде, но, вместо того чтобы уходить от грека, ладья стала описывать дугу.

– Руль выправи, руль!!! – закричал князь.

– Не слушается... – Гад навалился на рукоять всем своим тщедушным телом – ничего не вышло.

Отшвырнув волхва в сторону, как кутенка, Воислав попробовал сам. Но и его могучие руки не смогли поставить кормило в нужное положение.

– Ты кому сейчас молился, князь? – спросил снизу Гад. – Россоху или кому?

– Стрибогу... – просипел Воислав и дернул рукоять так, что она переломилась пополам. Дружинники взвыли от ужаса.

– Тогда готовься к смерти. Или к плену. Сам выберешь.

Ужасный корабль стремительно приближался, из серого становясь черным, громадным.

Гад взялся рукой за борт и легко перемахнул за борт – только плеснула вода. Дружинники побросали весла, стали стаскивать тяжелые доспехи, обрывать с поясов мечи. Кто мог плавать – прыгали в море. Кто не мог – остались.

Но когда с надвинувшегося вплотную корабля брызнуло огнем, в воду бросились и те, кто не умел на ней держаться. Лучше утонуть, чем сгореть заживо.

Лодки-скафосы долго кружили по черным волнам, светя факелами. Старались подобрать всех, никого не упустить. Раб-тавроскиф силен и вынослив, он стоит хороших денег.

Если плывущий поднимал открытую ладонь – понятный для всех народов жест подчинения, – его вытягивали из воды. Если не желал сдаваться – разбивали голову лопастью весла. Славяне, решившие умереть, принимали смерть молча. Тех, кто предпочел быстрый конец муке рабства, было больше.

Вождь варваров уплыл дальше всех. Он не поднял руки, но и не подставил голову под удар. Весло попусту вскинуло брызги – густобородый богатырь нырнул.

– Хочет медленной смерти – его дело, – сказал скафарх. – Кажется, все. Грести к дромону!

Из лодки на корабль пленных втягивали веревочной петлей. Приняв с борта, первым делом отвешивали крепкую оплеуху. Потом зачем-то подносили к лицу масляную лампу. И лишь после этого спускали в трюм.

Рядом с капитаном дромона стоял человек в красной накидке. Это он светил фонарем – и всякий раз бормотал короткое ругательство. Несколько раз на палубу вытаскивали пленников, потерявших сознание. К каждому такому человек подходил, нагибался и зачем-то проводил ему рукой по лбу, отодвигая прилипшие мокрые волосы.

– Это последний скафос, – сказал капитан. – Мне очень жаль, протокентарх.

Один пленный, тоньше и ниже ростом, чем остальные тавроскифы – народ сплошь рослый, широкий в кости – вдруг сделал странный жест: сложил два пальца одной руки, средний и указательный, с двумя пальцами другой – получился крест. Конвоир толкнул его в спину.

– Не тронь, болван! – крикнул протокентарх. – Это он. Слава Иисусу! Жив!

Накинув на плечи мокрому, дрожащему от холода пленнику свою накидку, отвел его в сторону.

– Приветствую тебя, аминтес. Я уж боялся, тебя не найдут... Скажи, почему вы так задержались? Мы ждали вас еще позавчера.

– В устье реки Гипанис. Одна лодка перевернулась. И еще три дали течь. Два дня ушло на ремонт, – чисто, но с запинкой ответил по-гречески тот, кого называли «аминтесом».

– Ты не ранен? Речь твоя странно прерывиста.

По усталому лицу мокрого человека пробежала улыбка.

– Три с половиной года не говорил на родном языке. Привык изъясняться короткими фразами. В речи тавроскифов нет сложных предложений... – Спасенный обеспокоенно спросил: – Скажи, ни одна из лодок не ушла? Все, кто осмеливается идти войной на имперские владения, должны исчезать бесследно. Это страшнее любого поражения.

– Никто не ушел. Мы уж думали, что самый большой корабль успеет скрыться во мраке. Приходилось подбирать из воды всех – вдруг бы среди них оказался ты? Я не понимаю, почему большая лодка стала поворачивать.

– Я вбил клин в паз кормила. Боялся, вы не догоните.

– Прекрасно. Я напишу в рапорте и об этом. Но у тебя писанины будет куда больше, чем у меня. Надеюсь, ты не позабыл грамоту в северных лесах? – засмеялся чиновник. – В каюте тебя ждет хороший ужин, пелопонесское вино, цивилизованная одежда. А также, – он шутливо развел руками, – принадлежности для письма. Увы. Порядок есть порядок. Твой отчет должен быть готов до прибытия в Синоп.

Воислав плыл по ночному морю, мерно загребая руками. Море было черное, небо тоже. Луна еще не взошла, едва светились звезды. Но они не помогли бы пловцу найти путь к берегу. Князь не понимал их языка.

Он был очень силен. Он мог плыть три часа, и пять, и больше. Знать бы только, в какой стороне земля.

Об этом Воислав сейчас и молился Россоху. «Тебе нет выгоды меня губить, – шептал он, отплевывая горькую воду. – Кто отдаст тебе дары? Я тебе столько всего обещал. Помнишь? Спаси меня. Тебе же лучше».

Но повелителю вод не нравился сухопутный человек, боящийся моря. И его дары – куски серебра, связки меха, железные мечи, гривастые кони и мясистые женщины – богу были ни к чему. Россох посмеялся над пловцом, направил в ту сторону, где суши не было на сотни и сотни миль.

## Дым отечества

Весь день Дамианос пребывал в необычном для него чувствительном настроении. Сначала бормотал греческие стихи из «Одиссеи» – про желанный дым отечества, клубящийся над родными берегами. Выйдя на улицу, перешел на латынь. «Здравствуй, Сатурна земля, великая мать урожаев», – бормотал он строки Вергилия, с наслаждением вдыхая чудесный воздух огромного города. Никаких урожаев эта скованная камнем земля не производила, а ее «дым» был несвеж и по временам даже зловонен: из харчевен несло кухней, не всегда хорошей; из-под тротуаров, где проходили сточные трубы – гнилой водой, от помоек – отбросами, от общественных латрин – тем, чем обычно пахнут латрины. Но тут была родина, и пахла она нормальной человеческой жизнью, а не пустотой и безлюдьем, как дикие леса над опостылевшей Бог-рекой.

После трех с половиной лет, после великих трудов и многих опасностей, после долгого одиночества, когда по-настоящему можно было поговорить только с самим собой, Дамианос наконец вернулся домой, к своим.

Дела были закончены. Весь день он провел в канцелярии Сколы, отвечая на вопросы по сданному отчету. Рапорт прибыл в Константинополь на целую неделю раньше корабля, которому из-за осенней бури пришлось задержаться в Синопе. Но дром, превосходная курьерская почта, не зависел от непогоды, и документ был в положенные сроки доставлен по эстафете, двигавшейся в десять раз быстрее обычных путников. Сотрудники секретона успели изучить записи. Их вопросы были точными и по делу. К сожалению, председательствовал на разборе не сам пирофилакс, а протоканцелярий. Наверное, великий человек был занят чем-то более срочным. Северославянское направление, по старинке именовавшееся тавроскифским, не относилось к числу первостепенных. Арабское, болгарское, франкское, италийское, даже германское были важнее.

Ну и ладно. Пирофилаксу виднее.

Всякий раз, возвращаясь в родной город после задания, Дамианос узнавал о каких-то удивительных новшествах, усовершенствованиях и открытиях. За это он и любил Константинополь. Лучший город земли – единственный настоящий город земли – не стоял на месте. Он развивался, рос, на его благо трудились лучшие умы, сюда стягивались кровеносные сосуды и нервы всего цивилизованного мира.

В секретоне рассказали о поразительном нововведении. Теперь от границ, которым угрожают воинственные варвары востока, до Константинополя выстроены башни, поставленные на возвышенностях. По системе условных сигналов – днем механических, ночью световых – любая весть передается в столицу с немыслимой быстротой. Телеграммат, как называлось посланное издали донесение, преодолевает расстояние в пятьсот миль всего за один час! Больше никакие арабы не смогут, как в прежние времена, напасть на столицу внезапно. Поистине нет пределов величию и изобретательности человеческого разума!

Из тихого квартала Нерсеса, где находилась канцелярия Сколы, Дамианос вышел на Месу, Срединную улицу. Широкая, чистая, обрамленная тенистыми портиками (там лавки, питейные заведения, таверны), она была украшена колоннами и скульптурами. «Сколько труда, сколько вдохновения, в конце концов просто денег потрачено на это вроде бы бессмысленное расточительство, – думал Дамианос с блаженной улыбкой, странно смотревшейся на его сухом и обычно бесстрастном лице. – Но разве не в этом суть цивилизации? Необходимым довольствуются животные и варвары. Всякое развитие – это стремление к необязательному и излишнему».

У обелиска Миллий, от которого ведется отсчет расстояний в милях по всей огромной империи, он купил у торговца и с наслаждением, прямо на ходу, слопал дешевого «януса» – хрустящую лепешку, в которую засунуты две жареные рыбешки, а потом и облизал пальцы. Под порфирной, увенчанной крестом колонной Филадельфия, выпил виноградного сока со льдом.

Господи, сколько на улице народу! Он и забыл, что людей бывает так много. А ведь время рабочее, полуденное. Что здесь будет в день скачек на Ипподроме! Могут и расплющить.

Дома по мере удаления от центра становились грязнее и ниже – уже не в четыре этажа, в два. Исчезли статуи над портиками. Но город нравился Дамианосу и

таким. Честно говоря, кривые улочки портовых районов и жилые кварталы, отодвинутые к самой крепостной стене, он любил даже больше, чем нарядный Стратегион или парадный Акрополь. Здесь обитали обыкновенные люди – те самые, ради блага которых создана Скола аминтесов. Всякому человеку нужен смысл жизни. У Дамианоса он был. В чем-в чем, а в этом сомневаться не приходилось.

Жаль, в городе доведется бывать нечасто. После долгого отсутствия полагалось пройти курс новых знаний в Академии. Скола существовала еще и для того, чтобы собирать по всему миру полезные сведения – такие, какие могли пригодиться аминтесам в работе. То есть, почти всякие.

Академия находилась в Элизии, обширном загородном поместье пирофилакса, в долине речки Ликус, среди фруктовых садов, кипарисовых рощ и зеленых лугов. В этом райском месте, равном которому нет на белом свете, Дамианос провел первую пору жизни. Там был дом, в котором он вырос. И в этом доме ждала мать. При мысли о том, что он увидит ее, проживет под ее кровом год, а если повезет, то и два, Дамианос снова улыбнулся. У него сегодня весь день был рот до ушей – будто губы хотели наулыбаться сразу за три с половиной года. Волхв суровых северичей не улыбался, веселость была бы ему не к лицу.

В обширном парке, густо засаженном деревьями, на недалеком расстоянии один от другого и всё же укромно, были разбросаны домики. Гимназион и Академия с их белокаменными колоннадами и террасами располагались дальше, на открытом пространстве, удобном для спортивных состязаний и полевых занятий, но здесь, в жилой части Элизия, было тенисто, тихо, уютно. Идя по безупречно выметенной дорожке, Дамианос оглядывался по сторонам. Казалось, некая волшебная сила собрала в одном месте жилища разных племен и народов, населяющих эйкумену. За дощатой болгарской хижинкой, отгороженной кустарником, стояла небольшая римская вилла, потом – аравийский шатер, потом – германская бревенчатая изба с узкими оконцами. Все эти дома Дамианос видел и раньше, был знаком с их обитателями. Но серая войлочная кибитка появилась за время его отсутствия. Там поселилась женщина какого-то кочевого народа. Пирофилакс решил начать работу с Дикой Степью? Это интересно. Надо будет выяснить. Но потом, потом...

С каждым шагом всё сильнее колотилось сердце. Оно у Дамианоса было твердое и холодное, будто кусок январского льда (иначе на такой службе не

удержаться), но сейчас подтаивало, сочилось влагой. Оставалось всего три поворота дорожки.

На всем свете было только два человека, к кому он относился особенным образом: пирофилакс, который почти что и не человек, а высшее существо, и мать, рядом с которой ледяное сердце согревалось и оттаивало.

Мать. Тихая женщина, живущая под сенью ветвистых деревьев.

Для Всенежи пирофилакс не только выстроил дом ее родного края, но и велел высадить вокруг северные деревья: ели, липы, березы – как в лесах, где прошло ее детство.

У края лужайки Дамианос остановился, чтобы насладиться милой сердцу картиной.

Дом из бревен, под тесовой крышей с коньком, издали выглядел точь-в-точь таким же, как у древлян или северичей, от которых аминтес только что вернулся, но был аккуратнее срублен и, конечно, несравненно чище.

На резном крылечке (в настоящем славянском доме такое могло быть разве что у родового старейшины или нарочитого мужа) сидела, склонившись над рукодельем, женщина. Ее наряд тоже походил на обычные славянские – если смотреть издалека. Паньова была не грубого холста, а тонкой ткани; юбка-поножа не тускло-коричневая, а густого охристого оттенка; на ногах плетенки не из лыка, а из мягкой, выделанной кожи. Плат на голове и вовсе шелковый, когда-то привезенный сыном из хазарского Итиля.

Словно почувствовав взгляд, женщина подняла голову. Вскрикнула. Порывисто поднялась. С колен ярким дождиком просыпались разноцветные точки, запрыгали по настилу крыльца.

Первое, что сделала Всенежа – быстро приложила ладонь ко лбу, а потом к животу: так матери благодарят Дажьбога, сохранившего в опасности плод их чрева. Потом троекратно перекрестилась (вера детских лет у нее мирно уживалась с Христовой, они не мешали одна другой), и лишь после этого засемила навстречу. Дамианос тоже побежал.

Обнялись. Она стала меньше, чем была – суше и легче. Это в нее пошел он тонкой костью и невеликим ростом – самая лучшая конституция для аминтеса, которому полагается быть проворным и незаметным.

Отодвинувшись, Всенежа стала жадно осматривать сына. Лицо у нее было морщинистое, чистое, старое. Прекраснее лица Дамианос не видывал. Во всяком случае наяву.

Мать тронула рваный белый шрам на его шее – след медвежьего когтя.

– Что это? Не было.

Он пожал плечами.

– И этого не было.

Усмотрела в вырезе туники вмятину от древлянской стрелы.

Дамианос лишь улыбнулся.

– А это тебе рано.

Больно дернула – раз, другой, третий: нашла седые волосы.

У самой – платок сбился, и было видно – побелела уже половина головы. Сколько ей? Странно, он никогда об этом не задумывался. Пирофилакс купил пленницу-тавроскифку четырнадцати- или пятнадцатилетней. Значит, матери около пятидесяти. По славянским понятиям совсем старуха. Но на североцих бабок, сгорбленных и беззубых, нисколько не похожа.

Прозвучал вопрос, который Всенежа всегда задавала после долгой разлуки:

– Ты его видел?

Он покачал головой, и мать больше не спрашивала. Дамианос знал, что сама она не видела пирофилакса много лет – с тех пор, как от скарлатины умер ее второй сын, трехлетний, а она была беременна и от горя выкинула третьего, недоношенного младенца. В этом несчастье Всенежа винила только себя. Пирофилаксу не нужны женщины, которые не умеют уберечь потомство. Это жестоко, но справедливо.

– Любор, ты голодный! – всплеснула она руками.

На всем белом свете никто больше не звал Дамианоса славянским именем. Оно не значилось даже в биографосе – свитке, который писцы секретона ведут на каждого аминтеса и держат за семью замками, в тайном хранилище.

Пока Всенежа хлопотала, накрывая стол, Дамианос прошелся по дому. Всё такой же светлый, чистый, пахнувший любимыми травами матери. Аминтес знал и помнил все эти ароматы, потому что вдыхал их еще в колыбели. Всенежа была постоянна в привычках и привязанностях, она не любила перемен. Здесь всё осталось прежним. Только берегинь на полке прибавилось. Мать покупала на рынке цветной каппадокийский бисер и медленно, с неиссякаемым терпением выкладывала из него картины, которые должны были понравиться богам. Перуну она сделала лазоревое облако, с которого удобно метать на землю молнии. Сварогу – серебряную наковальню и золотой молот. Велесу – тучного тельца. Не обидела и других богов. За это боги должны были беречь ее Любора.

– А что ж ты ничего не подаришь Иисусу? – спросил Дамианос, улыбаясь.

– Не знаю, что ему нужно, – вздохнула она. – Жду.

– Чего?

Она смущенно потупилась, ответила неохотно:

– Сна. Боги ко мне во сне приходят и говорят, кому что любо... Иисус пока не приходил.

Дамианос внимательно посмотрел на мать. Погладил по плечу, поцеловал в макушку.

Вот оно как? Значит, это у них в роду – видеть особенные сны?

Ужинал он с аппетитом, хоть голоден не был. Мать кормила его тем, что он больше всего любил в детстве. Откуда у Всенежи, евшей мало, как синица, взялись и свежий домашний хлеб, и сегодняшний козий сыр с тмином, и телячий язык, и яблочная паста с мятой, и свежесваренный мед, Дамианос не спрашивал. Он знал: все три с половиной года, каждое утро мать готовила снедь в надежде, что сын вернется прямо сегодня. Вечером отдавала нетронутую пищу богам. И вот они отдарились – Любор вернулся.

Оба молчали. Сын ни о чем не спрашивал, видя, что мать здорова, и зная всю ее жизнь, в которой один день неотличим от другого. Мать тоже не задавала вопросов. Мир, из которого вернулся сын, был для нее слишком велик.

«На свете должен быть кто-то, кому от тебя нужно лишь одно: чтобы ты был жив и чтобы у тебя всё было хорошо, – думал Дамианос. – Пирофилакс – великий человек, но вряд ли кто-нибудь любит его так же, как она меня. И невозможно представить, чтобы он сам кого-то так любил».

Спать он лег на перину, в которой пух был смешан с ароматными травами. С отвычки лежать на мягком было странно.

Мать села рядом. Он знал, что она не отойдет ни на шаг, до самого утра.

«Я не усну, – сказал себе Дамианос. – Слишком разволновался». Но она положила ему легкую ладонь на лоб, как в детстве. И он немедленно погрузился в сон. Не просто в сон – а в тот самый, что составлял главную тайну и главный смысл его существования.

Сон был редкий, долгожданный. Дамианос видел его два или три раза в год. После особенно хорошего дня, как сегодня. Или – тоже случалось – после особенно плохого.

Всякий раз происходило одно и то же, без изменений.

Берег реки или, может быть, озера. Заря – утренняя или вечерняя, не понять. Над водой, над тростником клубится туман. Из него с тихим плеском навстречу Дамианосу медленно движется фигура. С каждым шагом она всё отчетливей. Это девушка. Вся белая: белая, прилипшая к тонкому телу рубаха, сквозь которую просвечивают сосцы; белые длинные волосы; в них вплетены какие-то белые цветы. Лицо у девушки окутано дымкой, черты размыты, но сквозь полупрозрачную пелену сияют огромные ясные глаза.

Девушка приближается. Сердце сжимается от восторга – и от горя. Спящий знает, что она не дойдет. Сон сейчас закончится.

И сон действительно закончился.

Уже проснувшись, но не открывая глаз и не шевелясь, Дамианос сколько мог длил наслаждение, смакуя каждый миг драгоценного видения.

Первый раз он увидел Белую Деву в ранней юности, много лет назад – еще до того, как узнал женщин. Поэтому не мог потом увлечься ни одной из них, даже самой красивой или умной. На земле не было женщин, которые могли бы сравниться с Гекатой.

Он давно догадался, что это именно Геката, богиня загробного мира и лунного света. Белые волосы подсказали. И сладкое замирание сердца, готового остановиться – то есть умереть.

Геката ждала его по ту сторону жизни. Попы врут: нет ни рая с ангелами, ни ада с чертями. Или же Дамианосу-Любору уготован свой собственный рай, где царит Белая Дева. Поэтому он не боялся смерти. Совсем. Какое там «боялся»! Мечтал о ней как о высшей награде. Иногда приходилось одергивать себя, чтобы не лезть на рожон, не подвергаться лишнему риску. Когда-то давно, в одном из самых первых снов, он крикнул Деве, что хочет прийти к ней прямо сейчас, пускай сердце остановится. Но Геката покачала головой: нет. Он понял: с Гекатой жульничать нельзя. Необходимо пройти весь отмеренный судьбою путь до конца, честно. Иначе встречи не будет.

Поэтому, выполняя задание, он был рассудителен, хладнокровен и осторожен. Знал: десять раз вывернется, уйдет от верной гибели, а на одиннадцатый смерть его все-таки подловит. И передаст той, которая ждет. У аминтесов служба, на которой до старости не доживают.

Сон казался коротким, а длился долго – всю ночь. Воздух уже пах скорым рассветом, а Дамианос был приучен встречать день на ногах.

Он открыл глаза и улыбнулся матери. Кажется, она с вечера даже не шелохнулась.

В этот раз они не виделись три с половиной года. Перед тем он выполнял задание пиропилакса в Гермонассе, опасном разноплеменном городе близ Киммерийского моря, и тогда отсутствовал два года. А еще раньше он пропал целых пять лет, потому что угодил в плен к хазарам и возвращался круглым путем, через Персию и Святую Землю. Однажды он уйдет и не вернется вовсе. Или вернется, а ее здесь уже не будет.

– Иди, поспи. Не бойся. На этот раз я надолго, – сказал Дамианос и легко поднялся с ложа.

В Академию можно было попасть прямо через парк, по аллее, но Дамианос нарочно сделал крюк, чтобы пройти сквозь Гимназион, в котором он проучился десять лет, с семи до семнадцати. Это учебное заведение, не похожее ни на какие другие, было создано для мальчиков, рожденных женщинами разных племен и говоривших на материнском языке, как на родном. Где-то в другом поместье пиропилакса имелся и второй Гимназион, для девочек, но про него Дамианос мало что знал.

Сначала полукровок обучали тому же, чему обычно учат детей – грамматике, арифметике, географии, гимнастике – и зорко приглядывались. К десяти годам разделяли на два потока: мальчиков посмирнее готовили к чиновничьей службе; смелых и резвых собирали в класс аминтесов.

У великой империи было много врагов. Они пожирали богатую державу жадными глазами, норовя оторвать кусок от ее аппетитного тела, а если получится, то и вовсе разодрать на части, как это случилось с предыдущим

Римом – итальянским. За врагами нужно было присматривать, разрушать их хищные планы, ссорить между собой, держать в узде. Этим важным делом и занимались аминтесы, то есть «защитники» – уши, глаза, а иногда и острые когти империи.

Ведомство, чьим долгом был надзор за другими народами, называлось Сколой аминтесов. Готовили и воспитывали этих искусных лазутчиков здесь, в Гимназионе. Для дальнейшего расширения полезных знаний существовало заведение высшей степени, Академия.

Идя через прямоугольный двор Гимназиона, куда выходили портики учебных аудиторий, Дамианос вспоминал давние времена, когда он носил белую тунику с синей полосой, мечтал о грядущих приключениях и хотел побыстрее вырасти, чтобы стать героем и чтобы о его приключениях рассказывали другим мальчишкам.

Стайка десяти-двенадцатилетних гимназистов чертила угольками на каменных плитах карту звездного неба. Все повернули головы, посмотрели уважительно. Они не знали, кто он, но видели алую полосу – знак принадлежности к академическому классу. Понимали: аминтес вернулся с задания. Один конопатый, с синяком под глазом, был очень похож на самого Дамианоса, каким тот был в десять лет.

В Гимназионе было не принято приветствовать даже знакомых, тем паче – здороваться с незнакомыми, поэтому Дамианос просто украдкой подмигнул веснушчатому. Тот шмыгнул носом.

А вот это новость: большинство детей в классе были без синей полосы. В секретоне рассказали, что теперь в Гимназионе учатся не только Лекасы. Должно быть, бесполосные и есть те самые мальчики, кого пирофилакс лично покупает на невольничьем рынке. Он умеет видеть по глазам, чего стоит ребенок. Что ж, ребятам повезло. Они вырастут не рабами, а аминтесами. Разведчиков вечно не хватает, потому, очевидно, и пришлось пойти на такое нововведение.

У последнего портика, где находилась медицинская аудитория, Дамианос задержался. Подошел к колонне, понаблюдал.

Старый Клеон несколько не изменился. Он и двадцать лет назад был таким же: морщинистое лицо, гладкий череп, сдвинутые к самому носу глаза, скрипучий голос. Вел урок для выпускного класса: трепанация черепа.

Аминтес должен владеть лекарскими навыками лучше врача, знать все последние достижения медицины. Чаще всего на задании приходится изображать знахаря, потому что все варвары относятся к врачевателям с мистическим почтением, а это сильно облегчает дело.

Лопоухий паренек, потев от напряжения, вскрывал корку на тыкве, старался резать не слишком глубоко и не слишком мелко. Дамианос улыбнулся. Всё то же, всё то же. Потом надо будет снять кусочек скорлупы с большого гусиного яйца, не повредив внутренней оболочки. Потом будут мучить собак. А на экзамене – вот где страх-то – придется делать операцию на живом человеке: вправлять грыжу, или зашивать рану, или накладывать лубок на перелом, а то и принимать роды. Хозяева со всей округи свезут рабов на дармовое лечение; придут и многие свободные, потому что известно: выпускники Гимназиона искуснее иных лекарей и к тому же умеют делать обезболивание.

Клеон заметил, что кто-то смотрит из-за колонны, прищурился против солнца. Тогда Дамианос вышел, но полуотвернулся. Старый учитель не окликнет, не заговорит – это не заведено. Но пусть хотя бы посмотрит, что Дамианос всё еще жив. Если узнает, конечно.

– ...Садись, болван. Самому бы тебе так череп раскромсать, – слышался после долгой паузы скрипучий голос. – Вот раньше были ученики. Не то что вы, катыши овечьи.

Узнал! Улыбаясь, Дамианос пошел дальше.

Началась академическая учеба, как всегда захватывающе интересная. Человеческое знание не стояло на месте, беспрестанно обогащая аминтологию, сокровенную науку разведывательного дела.

Дамианосу пришлось освоить дисциплину, ранее считавшуюся не обязательной для тавроскифского направления – тайнопись. Грамотность, когда-то бывшая привилегией лишь самых просвещенных народов, понемногу распространялась и

на варваров. Арабы и армяне имели письменность уже давно; обзавелись своими книжечками франки и даже германцы. Северные славяне букв не знали, и, если появлялась оказия отправить в метрополию донесение, Дамианос до сих пор писал попросту, по-гречески. Отныне это запрещалось инструкцией. По сведениям пиррофилакса, некоторые князьки, сидевшие на великом речном пути из Скифского моря в Сарматское, стали обзаводиться грамотными рабами для ведения торговых расчетов. Это означало, что ничего конфиденциального прямым текстом сообщать больше нельзя.

Впрочем, тайнопись оказалась делом легким, Дамианос освоил ее быстро.

Гораздо больше времени заняло изучение новой борьбы, которую привез аминтес, десять лет пропадавший на дальнем краю Азии, куда пиррофилакс отправил его изучить полумифическую империю узкоглазых желтолицых людей – Китай. Китайская борьба, основанная на ловкости, тренировке и знании анатомии, позволяла калечить и даже убивать врагов без оружия, одним ударом руки или ноги. Дамианосу особенно понравилось то, что в этом искусстве преимущество получал боец легкого веса и небольшого роста, а скорость значила больше, чем сила.

Появились новые удобные виды оружия, владение которыми требовало опыта и сноровки. У аминтесов больше всего ценились приспособления, не похожие на орудия убийства. Кто-то привез из Иберии тонкую стальную проволоку, которой тамошние варвары режут огромные круги сыра. Если подойти сзади, точным движением накинуть проволоку на шею, стянуть петлей и правильным образом дернуть, человек умирает без звука. А прячется это оружие очень просто – хоть в поясе, хоть где.

Еще усовершенствовали отличный манубалист, очень метко стреляющий короткими стрелами. Подобные самострелы существовали и раньше, но массивные, для установки на крепостных стенах. А этот был маленький, легкий и, главное, складывался – убирался в безобидного вида чехол, который вешаешь через плечо.

Немало полезных новшеств накопилось и в фармакологии: снадобья от различных болезней, легкие в изготовлении яды, универсальное противоядие, надежное сонное зелье морфофор.

Дамианос всегда любил учиться, потому что только знание превращает человека из раба обстоятельств в их повелителя.

Жизнь была райская.

Шесть дней он учился в Академии, а воскресенье проводил в городе, чтоб развеяться. Жалованья за годы отсутствия накопилось много, можно было не скряжничать.

Сначала, еще в вечер субботы, посещал самый дорогой столичный лупанарий «Сад Эпикура», где гетеры веселы, искусны и приучены не лезть в душу. Назавтра шел на скачки или в театр. Другие аминтесы любили угоститься в хорошей таверне, попить сладкого никейского вина или ароматной мальвазеи, но Дамианос к разносолам был равнодушен, а вина не пил вовсе. Оно замутняет рассудок, а зачем замутнять око, которому и так вечно не хватает зоркости?

Лучше всего было просто бродить по городу. Глядя на дворцы и храмы, на величественные монументы и прекрасные статуи, на беззаботных людей, Дамианос остро ощущал, какое блаженство жить в цивилизованном мире, который умно обустроен и надежно защищен. Константинопольцы даже не понимают, что это за счастье – существовать по предписанию мудрых законов, не бояться вражеских набегов и диких зверей, вечером ходить по освещенным улицам, не носить оружия. И в значительной мере чудесный эквилибриум сохраняется благодаря аминтесам, о существовании которых большинство византийских граждан даже не слышали.

Так Дамианос прожил остаток осени, всю зиму и половину весны.

А потом отпуск закончился. Как всегда, без предварительного уведомления. Просто в Академию прискакал нарочный и вручил вызов.

Завтра, во второй день седмицы, 16 апрелиса 3 года индикта, ровно в полдень, аминтесу второго разряда Дамианосу быть в секретоне по вызову пиропилакса.

## День чудес

Секретон Сколы аминтесов располагался не в императорском дворце, как прочие важнейшие учреждения, а в респектабельном квартале Нерсеса. Тихий переулок вел от грандиозной, трехпролетной арки Феодосия к внешне непримечательному двухэтажному домусу – родовому особняку пирофилакса. Вся жизнь государственного мужа была посвящена работе, поэтому канцелярию он разместил там же, где жил. Официум занимал весь внешний корпус; личные покои хозяина находились в глубине усадьбы, за садом.

Вход в одно из секретнейших ведомств империи охранял (по виду – просто прохаживался перед дверью) человек в аккуратной скромной хламиде. Ни копья, ни меча на поясе, ни щита. Но через этого невзрачного часового не прорвался бы никто чужой – ни силой, ни хитростью. Это был один из «гибких» – так назывались личные телохранители пирофилакса. Когда-то Дамианос мечтал попасть в их число. В «гибкие» из Гимназиона брали невысоких, быстрых и сметливых – таких, как он. Состоять при особе пирофилакса – завидная судьба. Но не сложилось, и теперь Дамианос об этом не жалел, потому что человек должен уважать свою судьбу и не тосковать по несбывшемуся.

В великой империи, которой, если считать от Юлия Цезаря, уже сравнялось девятьсот лет, а если от Ромула и Рема – то полторы тысячи, имелось несколько секретных служб.

Во-первых, Скола агентов, призванная следить за порядком в стране, вынюхивать крамолу и пресекать заговоры. Агенты, иначе называвшиеся Оком Базилевса, бдительно надзирали за провинциями и губернаторами. Их боялись и перед ними заискивали.

За безопасность священной особы государя и его резиденций отвечала Скола скрибонов – дворцовая полиция.

На рубежах державы нес службу корпус акритаев – стражей границы. Акриты вылавливали вражеских шпионов, а иногда и засылали к беспокойным соседям собственных лазутчиков. Но это была разведка ближняя, для военных надобностей. Дальней разведкой занималась только Скола аминтесов.

Создал ее более тридцати лет назад патрикий Кириан из древнего рода Лекасов. Великий император Феофил, отец нынешнего базилевса, присвоил своему бесценному помощнику небывалый прежде титул пирофилакса, что означает «Оберегатель Огня». Тысячеглазым Аргусом наблюдала Скола аминтесов за внешним миром – так, чтоб ниоткуда не налетел внезапный ураган, не задул священное пламя Ромейской империи.

«Гибкий» едва взглянул на Дамианоса. Зевнул, отвернулся. Откуда понял, что это и есть аминтес, вызванный к пирофилаксу – ведомо одному Богу.

В вестибule вошедшего встретил такой же безмолвный привратник, провел к протоканцелярию Агриппе, доверенному помощнику Кириана. Это Агриппе в прошлом сентябре Дамианос отчитывался о выполненном задании.

Двадцать лет знали они друг друга, но ни разу не разговаривали ни о чем кроме дела. Начальник канцелярии всегда смотрел вниз, никогда не улыбался, не сердился, не повышал голоса. Казалось, он не ест, не пьет, не сморкается, не чихает. Будто и не человек вовсе, а третья рука пирофилакса.

Провести посетителя в святая святых, в апартаменты хозяина, мог только Агриппа. Спрашивать его о причине вызова было бесполезно. Скоро и так всё выяснится.

Прошли через первый двор, атриум, потом колоннадой, потом через тенистый перистиль, куда выходила галерея личных покоев пирофилакса: кабинет-таблинум, гостиная-экседра и библиотека.

– Иди в библиотеку, – коротко сказал Агриппа, впервые разомкнув уста. И не ушел до тех пор, пока не убедился, что Дамианос поднялся, куда следовало.

Несмотря на полуденное время, в комнате было сумрачно. Ниши, где лежали свитки и пергаменты, тонули в полутьме, на широком столе горели две лампы. В богатых домах обычно использовали свечи – они приятно пахли и не чадили, но пирофилакс предпочитал желтоватый и ровный свет горящего масла.

Человек в потертой шерстяной тунике не поднял головы. Он быстро писал железным стилусом на восковой табличке. Рядом накопилась целая стопка исписанных табул. Потом старший секретик возьмет эти записи и перенесет их на пергамент для долгого хранения.

Кириан никогда не приступал к новому занятию, не окончив прежнего – эта его привычка была Дамианосу известна. Поэтому он не поздоровался, не приблизился, а остановился у порога и стал ждать.

Даже хорошо, что пирофилакс занят. Можно было не торопясь его рассмотреть. В детстве и ранней юности Дамианос видел этого человека часто. Когда Гимназион еще только создавался, Кириан проводил там много времени. Придумывал, как лучше всё устроить, и даже несколько раз сам проводил философические уроки. Каждое сказанное им слово Дамианос запомнил на всю жизнь.

Совсем седой. Макушка оплешивела. Морщины на лбу стали еще глубже – но ни одной поперечной, только продольные: пирофилакс никогда не сердился, а вот в задумчивости пребывал часто.

Да, постарел, но блеск в глазах всё тот же, а движения по-прежнему точны и скупы. Сколько ему? Шестьдесят пять, а то и семьдесят. Редко кто доживает до подобного возраста, сохранив остроту ума и крепость тела.

– С этим всё, – сказал пирофилакс, кладя табличку поверх остальных. – Это мои соображения по поводу доклада достойного Льва Математика. Представь себе, он просит освободить его от епископского сана, потому что хочет создать Университет – специальное заведение для подготовки ученых. Очень интересная идея. Императрица спросила моего мнения.

Так было всякий раз. Они могли не видеться несколько лет, а потом Кириан вел разговор, будто тот и не прерывался. Может, это и в самом деле была одна и та же растянутая на десятилетия беседа.

– Вроде нашей Академии? – так же легко спросил Дамианос.

С пиррофилаксом просто: есть у тебя вопрос – задай.

– Нет. У нас дают главным образом практические знания, сугубо прикладного направления. А в Университете будут учить теории, то есть с точки зрения логофета императорской казны вещам совершенно бесполезным. Логофет, скучный человек, дал отрицательное заключение, поэтому я и скребу железкой по воску... Подойди-ка. Ты стоишь спиной к свету, и я не вижу лица.

Молча они смотрели друг на друга четыре стигмы – Дамианос сосчитал. В углу стояла клепсидра, водяные часы, и один раз за четверть минуты, в стеклянный сосуд срывалась звонкая капля.

– Я и забыл, что у тебя такая же метка, как у меня, – с легким удивлением сказал Кириан. – Кружок ровно посередине чела.

При этих словах оба непроизвольно коснулись каждый собственного лба. У аминтеса там было светло-коричневое, почти незаметное на загорелой коже пятнышко размером с мелкую монетку. У пиррофилакса – чуть крупнее и розовое, прикрытое свесившейся седоватой прядью.

– Загадка природы. – Кириан задумчиво покачал головой. – У нас, Лекасов, в каждом поколении только один ребенок наследует эту странность: не родинка и не нарост, а изменение пигментации кожи. Размер бывает разный, цвет тоже, но это всегда кружок и всегда на одном и том же месте. Мой дед был единственным из шести детей, кто родился таким. Пятно было большое, багровое. Он говорил, что у него третье око, которое никогда не спит и всё видит.

В детстве я этого недреманного ока очень боялся. – Пиррофилакс улыбнулся. – А у матери, тоже единственной меченой из семерых братьев и сестер, пятнышко было совсем маленькое и черное. Она шутила, что ее курица клюнула. Я же еще

ребенком придумал, что меня коснулся огненным перстом архангел, дабы я всю жизнь служил священному огню. А ты? Какое название для свой отметины придумал ты?

- Никакое. Я не придаю этому значения, - солгал Дамианос.

Во сне с Белой Девой, самом первом, она обратила свой лучезарный взор ему на чело, и он понял: вот зачем он носит на себе этот знак. Чтобы Она могла его опознать.

- Пятно и пятно, - пожал он плечами.

- Нет, - с убеждением молвил отец. - В человеческой судьбе просто так ничего не бывает. Если ты - единственный из всех моих детей, кто унаследовал мой огненный перст, в этом есть какой-то смысл.

«Он уже говорил это в прошлый раз, - подумал Дамианос. - И в позапрошлый. И совсем давно, в детстве. Про то, что почему-то только я один родился с кружком на лбу. Будто хочет забыть про это, а видит меня - и поневоле вспоминает. Хотя стоит ли удивляться, что он не помнит всякую ерунду?».

У отца была поразительная способность слышать не произнесенные собеседником мысли. Ее-то он сейчас и продемонстрировал:

- погоди, я тебе всё это уже говорил во время нашей предыдущей встречи. Старею. Память слабеет...

Пирофилакс сокрушенно развел руками и тут же доказал, что наговаривает на свою память:

- Когда мы виделись? Девятого мартуса пятнадцатого индикта?

- Точно так, отец, - почтительно склонил голову Дамианос.

Ничего родственного в этом обращении не было. Все аминтесы называли пирофилакса «отцом» - в том числе, говорят, и новые, купленные на рынке. Скола была и остается одной семьей.

– А перед тем мы виделись... первого февраля тринадцатого года. До того, постой-ка... в квинтилисе восьмого года, двадцатого числа... – продолжил пирофилакс, щурясь на огонь лампы.

Если б Дамианос так хорошо его не знал, то вообразил бы, что перед встречей отец заглянул в биографос и хочет произвести впечатление. Но зачем великому человеку красоваться перед аминтесом второго разряда? Кириану нравится проверять свою исключительно цепкую память, только и всего. Сам Дамианос мог перечислить все эти даты не задумываясь, без малейшей запинки. Каждая из тех встреч была вехой в его жизни. Станет вехой и нынешняя, никаких сомнений.

Что-то в отце изменилось. Постарел? Да, но не только. Никогда прежде он не вглядывался в лицо одного из своих бесчисленных сыновей так пристально.

– Да, я постарел, – опять услышал мысль Кириан. – Стал болтлив. Мне хочется с тобой поговорить... И мы обязательно поговорим. Но сначала – о деле. Тебя ждет новое задание.

Дамианос поклонился. Разумеется, новое задание – что же еще? Так происходило всегда: срочный вызов к пирофилаксу, потом отъезд. И пора бы уж. Надоело торчать в Элизии.

Кириан посмотрел на клепсидру.

– Пойдем. Через четверть часа мы должны быть в Консистоционе.

Удивить Дамианоса было непросто, но тут он вздрогнул. Потом решил, что ослышался:

– В Консистоционе?

В тронном зале для парадных аудиенций? Дамианос никогда там не бывал и не думал, что попадет. Аминтесу это не по чину, да и вообще – зачем?

– Базилевс примет лангобардских послов, а сразу после этого даст нам личную аудиенцию.

«Нам»? Но ни о чем больше Дамианос спрашивать не осмелился. Когда у пирофилакса делалось такое лицо, как сейчас, вопросов задавать не следовало.

...Через шумную площадь Августеон они шли пешком. Попросту, бок о бок, будто и в самом деле отец с сыном. Перед выходом Кириан облачился в лазоревый хитон патриция, но поверх накинул старый серый плащ, и никто на скромного старика не пялился. Чуть сзади, словно сами по себе, прогулочной походкой следовали двое «гибких».

Перед тем, как войти в величественные бронзовые врата дворцового ансамбля, пирофилакс скинул плащ на руки подлетевшему телохранителю, и гвардейцы-экскубиторы склонили сверкающие шлемы перед золотой медалью с изображением Неопалимой Купины – знаком Оберегателя Огня. Один, звеня посеребренными доспехами, довел приглашенных через двор до дверей первого из дворцов, Юстинианова, и передал на попечение внутренней стражи, златолатных великанов-кубикулариев, рядом с которыми Дамианос почувствовал себя карликом. Он еле доставал сопровождающему макушкой до плеча.

Прошли великолепной залой, пол которой был выложен разноцветным мрамором, а стены украшены мозаичными панно, живописующими великие победы империи.

На широкой аллее, где колонны со скульптурами стояли гуще, чем деревья в лесу, пирофилакса приняли силенциарии, охранявшие священную особу базилевса. Эти были без доспехов и в мягких сапогах пурпурного императорского бархата – производить какой-либо шум им строжайше воспрещалось, и само их название означало «тишайшие». Рядом с ними Дамианос поневоле стал шагать на цыпочках.

Но во время больших церемоний и силенциариям не позволялось входить в Консисторион. У входа пирофилакса и его спутника встретил улыбчивый, но безмолвный евнух, жестом неопишемого изящества пригласил следовать за ним. Сразу было видно юношу хорошего происхождения и безупречного воспитания. Всякая родовитая семья, которую Бог наградил многочисленным мужским потомством, считала разумным оскотить одного из мальчиков и с ранних лет пристроить ко двору. Настоящую большую карьеру близ императора могли сделать только кастраты, и в этом, по словам пирофилакса, была особая, проверенная столетиями мудрость. По закону евнух не мог стать венценосцем –

а стало быть, императору не приходилось опасаться, что кто-то из министров возмечтает сесть на Порфирный Трон.

Ангельский юноша поставил патриция у самой дальней колонны, почти беззвучно шепнул:

– Оставайтесь здесь. По окончании церемонии, господин, я проведу вас в Санкториум.

Санкториум, «Священный Дворец» – так назывались личные апартаменты базилевса великой империи. Очень немногим из смертных доводилось лицезреть этот сокровенный чертог собственными глазами. Неужто пиррофилакс возьмет своего питомца и туда, в святая святых?

Они стояли позади группы странно одетых людей в коротких куртках, вкривь и вкось расшитых золотом, в кожаных штанах, в высоких сапогах. Это несомненно и было посольство лангобардов – варваров, утвердившихся на юге Италийского полуострова. Длиннобородые и длинноволосые, неуклюжие, они что-то глухо обсуждали на своем диком наречии, стараясь говорить потише, но их грубые голоса все равно разносились под высокими сводами.

Нигде в мире не было и не могло быть зала поразительней Консистиориона. По сравнению с ним давешний дворец Юстиниана казался жалкой лачугой. Весь пол, от края до края, был устлан коврами тонкой персидской работы; стены облицованы листами чистого серебра; двери – резной слоновой костью.

С особенным чувством Дамианос рассматривал трон. На фоне багряной портьеры с огромным имперским орлом, сплошь из алмазов, кресло казалось удивительно маленьким и легким. Но только так, наверное, и мог выглядеть центр вселенной – крошечная точка, откуда во все стороны расходятся лучи просвещения, славы и стальной ромейской воли. Престол был темен и тускл, зато всё вокруг сияло и сверкало: два золоченых льва по бокам, золоченое же дерево с золочеными райскими птицами, высоко-высоко поднятый золотой купол.

Вперед вышел величественный церемониймейстер, трижды ударил посохом. По обе стороны трона возникли двое – один полный, безбородый, важный, в малиновом одеянии; второй щуплый, остробородый, в зеленой тунике младшего

служителя.

– Логофет Аникий. Ведает иностранными делами, – тихо объяснил Кириан. – В зеленом – переводчик. Сейчас приготовься. Церемониймейстер подаст знак проскинезии – нужно будет сотворить три земных поклона. Ох, мои старые кости.

Взмах посоха – и послы со всей свитой, видимо проинструктированные заранее, бухнулись на колени, а потом лбами в пол. То же проделал и Дамианос.

Что ж, высшей власти должно оказывать знаки почтения – иначе в империи не будет порядка.

На третьем коленопреклонении (церемониймейстер отстукивал продолжительность каждого) пришлось на несколько стигм задержаться.

– Сейчас начнется представление. Специально для варваров, – хмыкнул пиропилакс, упираясь лбом в ковер. – Смотри и наслаждайся.

Наконец можно было подняться.

По залу прокатился вздох изумления.

На троне сидел император. Взяться ему было неоткуда. Дойти от дверей он бы не успел, даже если бы несея вприпрыжку (Дамианос немедленно упрекнул себя за эту непочтительную мысль). И всё же сидел, величественный, в простой белопурпурной мантии, и неподвижный, как статуя. Древний венец неярко поблескивал старинным золотом и огромными рубинами. В курильницах – тоже будто сам собой – закурился фимиам. До престола было слишком далеко, чтобы Дамианос мог разглядеть лицо базилевса, но оно источало неземной свет.

– Не благоговей, – прошептал Кириан. – Это луч, перенаправленный особой системой зеркал. А появился кесарь из-за портьеры, пока мы подпирали лбами пол. Августос давно там прятался.

Пиропилаксу, кажется, было скучно. Он множество раз присутствовал на церемонии приема послов и теперь, чтобы скоротать время, охотно объяснял

спутнику происходящее.

Посольство, оказывается, было от архонта Беневентского – просить заступничества против арабов. Князь этот являлся вассалом императора франков, однако помощи от своего сюзерена не получил и решил поклониться Константинополю.

– А помощи от франков князь Беневентский не получил, потому что один из твоих братьев перехватил гонцов, – сладостно присовокупил Кириан. – В результате у нас появился шанс вернуть себе изрядный кусок Италии.

Переговоры происходили странно.

Старший из послов, кланяясь и поминутно прижимая руки к груди, говорил что-то на своей тарабарщине – и потом ждал, пока переводчик пошепчет базилевсу. Отвечал, однако, не император, сохранявший полную неподвижность, а логофет Аникий.

– Император не размыкает уст перед варварами, – пояснил пирофилакс. – Церемониал воспрещает. Но всё решено заранее... Ага, дело идет к концу. Сейчас увидишь второе действие представления. Им развлекают только тех, на кого нужно произвести сильное впечатление.

Золотые львы вдруг ударили хвостами о землю. Металлические птицы на деревьях расправили крылья и запели райскими голосами.

Лангобарды в ужасе попятнулись. Даже Дамианос от неожиданности вздрогнул под шелестящий смешок Кириана.

– Эффектнее всего финал аудиенции. Смотри.

О, чудо! Трон начал медленно воспарять над пьедесталом. Длинный парчовый полог, прикрывающий подножье, растягивался всё больше. Луч, озаряющий лицо

базилевса, засиял ярче.

- Подъемник? – догадался Дамианос.

- Конструкции великого Льва Математика, – подтвердил пирофилакс.

Церемониймейстер замахал посохом. Потрясенные варвары попятились к выходу. Торжественный прием закончился.

Неслышно подпорхнул евнух-сопровождающий, поманил в боковую дверь.

- Развлечения закончились. Теперь дело, – тихо и очень серьезно молвил Кириан.

Пришлось долго ждать в пустой приемной Священного Дворца, которая после Консистоциона выглядела почти спартанской: мраморные стены с драпировками, скульптуры в нишах да маленький, ласково журчащий фонтан.

Не обращая внимания на пажа, будто его тут и не было, пирофилакс сказал своим обычным голосом:

- Эта аудиенция неофициальная, безо всяких церемоний, поэтому плюхаться на пол не нужно. Встань слева и чуть сзади. Если августос тебя о чем-то спросит... Впрочем, сам сообразишь, как отвечать. Да он и не спросит.

На розовом лице евнуха отразилось страдание. Очевидно, с его точки зрения говорить о государе столь небрежным тоном было кощунством. А Дамианос ощутил прилив гордости за отца: вот он какой, всё ему нипочем. Интересно, как Кириан будет разговаривать – страшно вымолвить – с императором?

...Оказалось, что точно так же, как всегда: ясно, коротко и по существу.

- В сентябре я докладывал ее величеству, а она несомненно сообщила вашему величеству, что на порт Керкинтый, который находится в феме Климатов, пытался совершить пиратское нападение один из тавроскифских вождей по имени Воислав... – так, без вступлений и ритуальных славословий, начал свою речь пирофилакс.

Императорский таблинум был просторен и светел, но тоже прост, как и приемная. Вдоль стен белели мраморные бюсты великих базилевсов – этим парадность исчерпывалась.

Стоя недвижимой беззвучной тенью за пиррофилаксом, Дамианос не сводил глаз с того, кто был вознесен над всеми смертными, так что выше только Господь Бог и Его ангелы. Базилевс – единственный смертный, к кому обращаются во множественном числе: не «ты», а «вы», ибо рядом с ним, Своим наместником на земле, всегда незримо присутствует Иисус.

Государь, который издали, во время приема послов, представлялся существом неземным, почти бесплотным, вблизи оказался пухлым полуюношей-полуподростком с бледным, одутловатым лицом и тусклым взглядом. Одет он был в белый хитон с пурпурной каймой, из-под бархатной шапочки свисали жидкие рыжеватые волосы. Хороши были, пожалуй, только прямая, горделивая осанка да такой же неестественно твердый поворот головы, будто приколоченной к шее.

Император сидел за столом, по обоим торцам которого скрипели стилусами два писца, с поразительной скоростью регистрируя каждое произнесенное слово. Еще один придворный (его лица было почти не видно за высокой спинкой кресла) стоял позади государя. То был мистик, личный секретарь его величества.

Он что-то шепнул. Базилевс слегка наклонил голову.

– Продолжай, господин, – не сказал, а словно бы пропел мистик.

– Пиратский набег был организован моим аминтесом. Вашему величеству известна тактика, которой Скола придерживается, контролируя народы, состоящие из хищных, но разрозненных племен. Все они в поисках добычи норовят напасть на наши окраины. Чем отбиваться от каждого по отдельности, мы обычно помогаем самому активному из князьков укрепиться, подавив и поглотив соседей, а затем выманиваем его в удобное нам место и уничтожаем. В результате провинция получает несколько лет спокойной жизни – до тех пор, пока у варваров не появится новый воинственный вождь. Вы, государь, всё это, конечно, знаете...

Снова мистик что-то шепнул на ухо императору. Болезненный юноша кивнул.

– Именно так поступил наш агент. Сначала помог Воиславу покорить окрестные племена. Потом князек собрался в поход на Керкиний – все скифы, чуть усилившись, мечтают ограбить какой-нибудь из наших таврических городов. Агент привел варваров в условленное место, где один боевой дромон сжег всю вражескую флотилию. Доход от продажи пленных – более двухсот либр золотом – поступил в казну...

У одного из писцов кончилась табличка, и Кириан подождал, пока служитель возьмет другую.

– Операцию осуществил один из моих лучших людей, протоаминтес Дамианос Лекас.

Не оборачиваясь, Кириан показал на Дамианоса, который от неожиданности не сразу догадался поклониться. Базилевс скользнул по нему вялым, лишенным выражения взглядом.

Дамианос даже растерялся, чего с ним почти никогда не случалось. Протоаминтес? Это высшее звание, какого может достичь лазутчик Сколы. Еще поразительней было упоминание фамилии. Официально всех аминтесов называли только по имени. Фамилию мог носить лишь законный отпрыск родовитого семейства, а пирофилакс женат не был и семьи не имел.

Впрочем, скачок через два чина и почетное титулование большой важности не имели. В далеком краю, при исполнении задания, совершенно все равно, есть у тебя фамилия или нет и какого ты ранга. Трудности и опасности те же самые. У протоаминтеса жалованье чуть не втрое больше, но Дамианосу вполне хватало и нынешнего. За полгода он не потратил и десятой части денег, накопившихся на личном счете.

Самое радостное было не это, а то, что Кириан сказал: «один из моих лучших людей».

Шепот секретаря. Император милостиво кивнул – теперь уже персонально Дамианосу, но взгляда в его сторону не обратил, словно не считал достойным повторной чести.

– Однако мирной передышки на нашем северном рубеже не получилось, – продолжил Кириан. – На лесных и степных равнинах Тавроскифии что-то меняется. Там увеличилось население, вдоль речного торгового пути возникают и разрастаются городки. Этот народ, прежде рассеянный по лесам, кажется, достиг стадии, на которой объединение становится неизбежным. Мы не успеваем избавиться от одного царька, как немедленно появляется другой. Власть, как природа, не терпит пустоты, государь. На реке Борисфен набирает силу новый вождь. Его зовут Кый, он предводитель полян, самого крупного тавроскифского племени. За зиму этот князь прибрал к рукам все земли погибшего Воислава и продолжает расширять свое влияние. Ситуация станет опасной, если мы не возьмем ее под контроль. Протоаминтес хорошо знает лесной край и может ответить на любые вопросы вашего величества...

Дамианос немного встревожился. Он кое-что знал о полянском князе Кые, заклятом враге Воислава, но не слишком много, и никогда не бывал на реке Данапр, которую Кириан по-старинному назвал «Борисфеном».

Однако вопросов не последовало. Император смотрел прямо перед собой сонным взглядом. Раздался тихий звук. Неужели всевеличайший икнул? Возможно ли?

– Хорошо, – сказал пирофилакс, немного подождав. – Я представлю в канцелярию вашего величества имеющиеся сведения в письменном виде. Однако в связи с вышеизложенным у Сколы аминтесов есть ходатайство, которое я прошу вас рассмотреть по возможности незамедлительно. Мы просим перевести тавроскифское направление из третьей категории во вторую.

А вот это было важно. Дамианос восторженно вскрикнул. Все окружающие империю страны и племена были разделены по степени важности. К первой относились арабы, франки и дунайские болгары. Ко второй – народы менее опасные: ослабевшие хазары, дальние (то есть итильские) болгары, ближние далматинские славяне, италийские лангобарды и некоторые другие. Славяне северные всегда считались проблемой небольшой, поскольку обитали вдали от рубежей империи и для набегов никогда не собирались шайками более тысячи копий. Потому и финансирование севернославянского направления было весьма скромным. Перевод во вторую категорию открыл бы совершенно иные возможности.

Всевеличайший впервые позволил услышать свой голос – писклявый и в то же время с хрипотцой:

– Нам надоели болгары, пирофилакс. Когда они перестанут нам докучать?

– Боюсь, нескоро, ваше величество. Совет стратегов пришел к выводу, что силой оружия с этим варварским царством мы не справимся. Если врага не получается уничтожить, его нужно приручить. В Болгарию отправятся наши проповедники и купцы. Первые будут распространять Христову веру, вторые – приучать верхушку к греческим обычаям. Когда варвары начнут верить, как мы, смотреть на мир, как мы, когда они обзаведутся теми же привычками, они станут воском в наших руках. Но это работа на долгие десятилетия. Нужно набраться терпения, тут уж ничего не поделаешь. Однако тавроскифскую проблему можно разрешить сравнительно небольшими усилиями – если не давать болезни развиваться и пойти в опасном направлении. Потому Скола и выступила с ходатайством.

Император послушал мистика. Покивал.

– Твое ходатайство будет рассмотрено без отлагательства.

– Благодарю, ваше величество. Протоаминтес Дамианос Лекас отправится на Борисфен, как только будет снабжен всем необходимым.

Медленно, словно нехотя, базилевс посмотрел на Дамианоса. Губы слегка раздвинулись в милостивой улыбке.

– Отправляйся в путь и сделай, что должно. Будешь вознагражден.

Дамианос прижал ладонь к груди и поклонился. Он уже думал не об императоре, а о новом задании.

– Ты сказал всё, пирофилакс?

– Да, ваше величество. Прошу лишь присовокупить к протоколу аудиенции еще вот этот документ.

Кириан достал из разрезного рукава пергаментный свиток.

– Быть по сему. Мы закончили?

Вопрос был обращен к мистика и, как показалось Дамианосу, прозвучал жалобно.

Пока шли обратно к Бронзовым воротам – через аллею колонн, через дворец Юстиниана – молчали, потому что рядом, сменяясь, всё время были сопровождающие. Но на площади, накрытой гигантской сенью Софийского собора, Дамианос покосился на отца и понял: теперь можно.

Пирофилакс, принимая от телохранителя свой уличный плащ, и сам сказал:

– Вопросы?

– Можно не по заданию?

С заданием в общем и целом было понятно, а подробности изложит протоканцелярий Агриппа.

– Можно.

– Почему мы ходили к императору, а не...

Кириан кашлянул, и Дамианос заткнулся, сообразив, что среди толпы, где непонятно кто крутится и подслушивает, о таких вещах лучше не говорить.

Он хотел спросить, отчего по секретному делу они ходили к императору, а не к вдовствующей императрице. Ведь все знают, что юный базилевс лишь исполняет церемониальные обязанности, а державой правит его мать, армянка Феодора. Она обладает главным качеством хорошего монарха – умеет выбрать толковых помощников и потом не мешает им работать. При Феодоре держава крепнет и развивается. И главные достижения императрицы – даже не военные победы над арабами и болгарами, а дипломатические союзы и наполненная казна.

В пустом переулке пирофилакс показал жестом: «теперь можешь продолжить».

– Императрица мудра и привыкла слушать твоего совета, отец. Все это знают, – тихо сказал Дамианос. – Почему же мы пошли к августосу Михаилу? Он показался мне...

И опять Кириан кашлянул, хотя кроме «гибких» рядом никого не было.

– Поговорим в библиотеке.

Только дома, за плотно закрытыми дверями, отец заговорил откровенно. Он отлично понял недопроизнесенное.

– Да, Михаил глуп и слаб. К тому же в шестнадцать лет он уже законченный пьяница. Сразу после приема послов успел налакаться. Умные люди советовали императрице потихоньку отравить такого негодного наследника. Но Феодора мягкосердечна. Это означает, что Михаил отберет у нее власть. Не сам, конечно. В таком деле помощники всегда найдутся. И произойдет это, по всей видимости, скоро. Вокруг Михаила зреет заговор.

– Ты так спокойно об этом говоришь, отец? И даже не попытаешься защитить императрицу?

– Скола аминтесов не вмешивается во внутренние дела империи. Ты отлично это знаешь, – строго молвил пирофилакс. – Все это знают. Мы не шпионим за своими, не суем нос в то, что нас не касается. Мы защищаем отечество. Именно поэтому с нами никогда ничего не случится. Мы полезны власти и безопасны для нее. Другие секретные службы ловчат, интригуют, берут мзду, устраивают провокации. Ни одной из них нет доверия. А нам – есть. И так должно оставаться впредь.

Вопрос, кажется, был больным. Невмешательство в политику давалось Оберегателю Огня непросто.

– Пойми, – сказал он, глядя в глаза сыну. – Императоры бывают сильными и слабыми, великими и ничтожными, удачливыми и злосчастными. Личные качества правителя имеют значение, но не меняют сути. Империя – это не

император. Это великая идея и великая мечта о гармонии на земле. Это самая прочная геометрическая фигура – пирамида. Однажды вся эйкумена станет единой Империей, будет повиноваться единой воле и единому закону. И тогда на земле установится царство, подобное небесному. Если мы, ромеи, не справимся со своей миссией, центр мировой воли переместится в другое место – к арабам, латинянам, болгарам или, может быть, к какому-то новому народу. Но священный огонь не погаснет никогда. Мир стремится стать единым – и однажды станет. Наше ведомство создано, чтобы оберегать этот священный огонь и заботиться о том, чтобы он не покинул Константинополь, как в свое время он покинул падший Рим. Второй Рим поставлен здесь, на берегу Пропонтиды, и третьего Рима появиться не должно. Теперь ты понимаешь, почему моя должность называется «Оберегатель огня»? И почему я считаю пятно на своем лбу следом огненного перста? Когда-то я сам решил, что это знак моей судьбы. Люди делятся на обычных – и на тех, кто возлагает на себя бремя особенной судьбы. Достаточно решить это и потом не отступать от своего решения...

Никогда еще Кириан не разговаривал так с Дамианосом, одним из бесчисленных своих сыновей. «Почему? Зачем?» – осторожно взглянул он на отца.

И впервые пирофилакс не угадал ход его мыслей. Во всяком случае, так могло показаться в первую минуту.

– Ты не можешь понять, зачем я взял на аудиенцию тебя, хотя мог бы пойти один?

Дамианос наклонил голову. Что ж, это было бы следующим вопросом.

– Во-первых, чтобы не повторять суть задания дважды. Ты знаешь, я этого не люблю...

Сын кивнул.

– Во-вторых, я хотел, чтобы в протоколе было записано: «Приходили пирофилакс Кириан Лекас и протоаминтес Дамианос Лекас».

Этого Дамианос не понял и слегка приподнял брови. Кириан поднял ладонь: не перебивай.

– И третье... Я подал петицию, где прошу считать тебя моим законным сыном, наследником и преемником. Базилевс должен был увидеть тебя собственными глазами. Когда ты вернешься с задания, он будет самодержцем-автократом. Пусть считает тебя своим человеком, это важно. Что ты морщишь свой пятнистый лоб? – чуть улыбнулся пирофилакс и снова посерьезнел. – Да. Когда ты вернешься с севера... если ты вернешься... и если я буду жив... Я начну готовить тебя к управлению Сколой. Тебя тоже обжег перстом архангел. Это знак твоей судьбы.

Дамианос сглотнул. Он и ущипнул бы себя, чтобы проверить, не спит ли, но это было бы глупо.

Конечно, не спит. Теперь всё разъяснилось. И оказалось, что отец все-таки правильно угадал незаданный вопрос. Ответ на него, стало быть, вот какой...

Удивление было безмерным. У пирофилакса имелись сыновья старше, а севернославянское направление, даже если ему присвоят вторую категорию, все равно останется захолустным. Конечно, Дамианос был ошеломлен. Но не обрадован.

«А Геката?» – вот первое, что подумалось. Если оставить опасную службу аминтеса и навеки поселиться в константинопольском официуме, то, чего доброго, проживешь на свете до семидесяти лет, как пирофилакс. Будет ли столько ждать Белая Дева? Обрадуется ли, когда он явится к ней сморщенным, беззубым стариком? Сейчас в жизни есть стержень, источник бесстрашия и внутренней силы: чем рискованней дело, тем ближе долгожданная награда. Дамианос неуязвим и непобедим, он в любом случае в выигрыше. И если уцелеет, восторжествовав над трудностями. И – тем более – если погибнет.

Наблюдая за сыном, Кириан прищурился.

– В тебе есть какая-то странность. Это может быть как очень хорошо, так и очень плохо. Ты сам-то знаешь, что это за странность?

– Нет, – ответил Дамианос. Его лицо стало непроницаемым.

– Не хочешь, не рассказывай... – Пирофилакс устало потер веки. – Дальше тобой будет заниматься Агриппа. До твоего отъезда мы уже не увидимся.

Он махнул рукой в направлении двери.

– Ступай. Мне нужно вернуться к запискам об Университете.

Дамианос поклонился, пошел к выходу.

– Погоди...

Отец шел за ним следом.

Невероятно: поднял руку, положил Дамианосу на плечо. Поистине сегодня был день чудес.

– Сделай, что нужно, и поскорее возвращайся. Я быстро старею, а мне нужно многому тебя научить.

Опустив голову, Дамианос покосился на руку отца. Сухие узловатые пальцы слегка подрагивали.

Мелькнуло: «Мы больше никогда не увидимся».

Он тряхнул головой. В предчувствия верят только женщины и глупцы.

Спутники и спутницы

Разница между второй и третьей категориями была как между небом и землей. Никогда еще Дамианоса не снаряжали в путь так основательно. В прежние разы аминтеса переправляли через море со случайной оказией и с минимальными затратами, всегда одного. Теперь же он получил в свое распоряжение двадцативесельный корабль, капитан которого состоял на негласной службе в Сколе. Корабль был не боевой – торговый, и сам Дамианос считался купцом, готовящимся совершить плавание по обычному северному пути, которым товары шли из империи сначала вверх по полноводным рекам Скифского моря, потом вниз по худосочным рекам моря Сарматского, далее вокруг всей Европы спускались к Геракловым столбам и через Средиземное море возвращались в Константинополь. По дороге меняли греческие товары – ткани, украшения, сухие фрукты, вина – на драгоценные славянские меха и воск для свечей, на крепкое германское железо, на франкскую пряжу, на тонкорунную британскую шерсть, на прекрасных иберийских рабынь и ученых еврейских рабов. Торговали и в пути, по несколько раз нагружая и опорожня трюмы. Кто благополучно завершал путешествие, занимавшее год или два, возвращался домой с прибылью в пятьсот процентов. Во время войн с арабами (то есть теперь почти всегда) круговое плавание вокруг континента становилось невозможным – и тогда корабли поворачивали из франкских краев обратно, обходясь без иберийского живого товара. Рабы со славянских рынков, крепкие и выносливые, тоже были в цене.

Подготовка заняла три недели. Пришлось ждать, пока соберется большой караван. В одиночку на север мог бы отправиться лишь тот, кому не терпится расстаться с имуществом и жизнью. На диком Данапре, да и дальше, во многих местах, купцов подстерегало множество опасностей. Пятьсот процентов прибыли дешево не достаются.

Дамианос не собирался плыть вокруг Европы. Его маршрут был много короче. Согласно разработанному в секретоне плану, оборотистый византийский купец должен был остаться в Киевском городе, открыть там торговый двор. Для разрешения нужно преподнести тамошнему царьку богатое подношение, да такое, чтобы Кый не только обрадовался дару, но и приблизил к себе дарителя. Трудно? Только не для специалистов Сколы. Наука внедрения аминтеса с учетом местных условий и параметров задания была детально проработана. Если готовилась экспедиция по первой, самой высокой категории, для прикрытия могли снарядить целое посольство или даже организовать армейскую операцию.

С Дамианосом поступили проще. Протоканцелярий Агриппа прислал в порт Феодосия, на корабль «Святой Фока», где теперь жил аминтес, охотничьего леопарда – желтого и пятнистого аравийского барса. Псов да соколов ныне держат даже третьеразрядные государи, вроде полудиких германских герцогов. Но дрессировать барсов умеют только императорские звероловы. Полянский архонт должен прийти в восторг от такого подарка.

Что ж, оставалось лишь восхищаться изобретательностью сотрудников пиропилакса.

Обхождению с барсом предстояло еще обучиться, чем Дамианос с удовольствием и занялся.

Огромную кошку звали Гера, и капризностью нрава она не уступала ревнивой супруге Зевса. Попав на пришвартованный корабль, где всё было незнакомо и непривычно, а палуба скрипела и покачивалась, леопардиха первым делом разодрала до кости руку матроса, попытавшегося потрепать ее по загривку. Пристегнутая цепью к мачте, скалила страшные клыки, рычала, лупила упругим хвостом по доскам.

Дамианос велел оставить зверя в покое. Долго, не менее часа просто наблюдал.

Барсиха не успокаивалась, всё металась вокруг мачты – пока не намотала цепь так, что едва могла пошевелиться, притянутая к столбу за шею.

Тогда он подошел, заглянул в неистовые желтые глаза. Сдавленный хрип. Быстрый взмах когтистой лапы.

Агриппа сказал, что кошка слушается только своего хозяина, императорского ловчего. Больше никто приблизиться к ней не смеет.

Приручать самок – Дамианос знал – труднее, чем самцов. Самцу просто демонстрируешь, что ты сильнее, и он признает иерархию.

С самкой нужно, чтобы она тебя полюбила.

Поднес к пасти, насадив на короткое копьё, кусок сырого мяса. Не взяла.

Достал маленький кусок шлифованного стекла в медной трубочке, с помощью которого можно смотреть вдаль (приспособление из секретного арсенала аминтесов). Повертел так и этак, чтоб разбежались солнечные зайчики и радужные искры.

Леопардиха замерла, уставилась на чудо.

Любопытная, любит яркое. Что ж. Женщина как женщина.

Правила таковы: спокойная уверенность, никаких проявлений страха и враждебности. Полная естественность.

Поигрывая сверкающей штучкой, Дамианос подошел вплотную. Зверюга покосилась на него и снова стала смотреть на оптикон.

Конец ознакомительного фрагмента.

----

Купить: <https://telnovel.com/ru/boris-akunin/ognennyy-perst>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)